

Глава 36. Но владыка неба не дал ей возможности завершить все мирно

Вечером того же дня Шаошан обратилась к членам семьи Вань, показав перед ними безмерную тоску по собственной семье и отклонив безрассудно все сердечные уговоры остаться подольше. Обнадеживающий тон голоса дядюшки Ваня, сказавшего: «Когда твоя матушка снова побьет тебя, возвращайся в семью к старшему дяде», стал финалом ее каникул.

Возвратившись в семью Чэн в то время, когда уже стемнело, она не пошла сразу к своим братьям, а, сгорая от беспокойства, решила навестить Чэн Ши с женой. Пропустив все, что было связано с Лин Буйи и ею, быстро, в двух словах, сообщила им все то, что услышала под мостом.

Как только Шаошан закончила говорить, Чэн Ши с изумлением повернулся к жене и сквозь зубы сказал:

-Не может быть! Разве мы не говорили старшему брату, чтобы он передал карту?

Госпожа Сяо с серьезным лицом проговорила:

-...Лин Буйи приходил дважды, определенно генерал Вань потерял карту.

Чэн Ши хлопнул по бедру рукой, сказав с досадой:

-Какой дурной нрав у старшего брата! Знал же раньше, что нужно взять карту и отдать ее самостоятельно!

Супруги молчали, Шаошан стояла в стороне, не осмеливаясь издать ни звука.

-Я говорила ранее – мы непрочно стоим. Обычное золото, жемчуга и драгоценные камни, вплоть до оружия и медной утвари – мы можем забрать это все и ничего страшного не будет. Однако императорскую печать, карту Каньюй*, во что бы то ни стало нельзя хранить, – госпожа Сяо нахмурилась, обращаясь к мужу, она сказала, – будет лучше если ты поговоришь со старшим братом, чтобы он передал ее наконец.

□□ kǎnyú – это карта, изображающая взаимосвязь между географическими условиями, фэн-шуйем и планировкой гробниц, жилых домов и городских объектов. В глазах разных людей карта Каньюй имеет разные функции. В глазах военных стратегов – это карта воинских формирований, в глазах кладоискателей – это карта сокровищ, в глазах путешественников – это карта путешествий, в глазах геологов – это карта геологической разведки.

-Что хорошо, то хорошо! – сверля ее гневным взглядом, сказал Чэн Ши. – Старший брат такой неосторожный! Независимо от того, отдал он или потерял, я расскажу об этом пожилой госпоже Вань. И ей придется задать взбучку старшему брату, чтобы он не повторял ошибок!

Госпожа Сяо вздохнула и отрицательно покачала головой, повернувшись к дочери, сказала:

-На этот раз подслушивая...

Шаошан, ожидавшая эти слова, незамедлительно произнесла:

-Я ведь не специально подслушивала, просто случайно попала как раз в тот момент, матушка, если ты накажешь меня, тогда в будущем, даже если что-то и услышу, не расскажу вам!.. Батюшка, не говори никому, что это все было услышано около моста, в противном случае дядя Вань поймет, что это я рассказала тебе. Как я после этого смогу войти в его дом!

Идол уже высказался, и генерал Чэн, закоренелый капитан стражи, естественно повиновался приказу, торопливо говоря:

-Верно, верно, на этот раз нельзя считать, что Няоняо совершила проступок. Если старший брат к настоящему моменту еще не передал карту Каньюй, то об этом мы узнали только благодаря Няоняо, которая донесла до нас эту информацию. Избавление от дурных поступков следует поощрить наградой!.. Няоняо, не волнуйся, я скажу, что услышал об этом в другом месте, это не будет иметь к тебе отношение!

Госпожа Сяо мрачно вздохнула: по правде говоря, она и не думала отчитывать дочь, лишь хотела узнать, зачем та бегала к мосту в том доме и залезла под него. Что ж, и на том ладно.

В стороне от нее Чэн Ши, уже довольно посмеиваясь, подошел к младшей дочери и стал рассказывать ей то, что обсуждалось в семье...

Шаошан, радостно смотря на него, сказала:

-Правда?! Я могу отправиться вместе с третьей тетей и третьим дядей к месту его службы?!

Чэн Ши самодовольно ответил:

-Разумеется! Разве тебе не хотелось выбраться за город и посмотреть на достопримечательности? Столица очень интересна, но за ее стенами можно прогуляться по прекрасным горам и рекам. Где небо высоко и широко, рыбы резвятся, свободно прыгая в прудах, ястребы вольно летают в воздухе! После банкета в доме дяди Ваня вы сможете отправиться в путь.

Шаошан была так счастлива, ее попросту разрывало от счастья, снова и снова она благодарила отца, постоянно дергая его за рукав, при этом восхваляя Чэн Ши, в чем она прямо-таки достигла высот легендарных трех властителей и пяти императоров и низин - живущего по соседству мясника А-Ли, ведь он самый-самый лучший отец во всей Поднебесной.

Госпожа Сяо с явным неудовлетворением смотрела на отца и дочь, расхваливающих друг друга, но не собиралась обличать их.

Она знала, что ее муж опасался, как бы во время его карательного похода дочь не пострадала бы от ее рук, сыновья вряд ли бы были способны ей воспрепятствовать. Теперь же он досрочно передал ее на попечение младшего брата и невестки. Если кто-то не верит в это, то достаточно

подождать его возвращения домой. Разве он немедленно не поедет за дочерью?

Подняв взгляд, она увидела, что раны на лице дочери пока еще не зажили, однако она в приподнятом настроении, в прекрасном расположении духа, и по сравнению с тем временем, когда она жила дома, была гораздо активнее и жизнерадостней. Госпожа Сяо была до некоторой степени разочарована, было похоже на то, что некто украл что-то прямо из ее ладоней.

Завершив свой своеобразный донос, Шаошан преподнесла отличное вино, подаренное ей тринадцатой сестрицей и ранее разделенное ею на три части. Одну часть, само собой, она отдала отцу Чэну, вторая часть была почтительно преподнесена третьему дяде – ее опоре на ближайшие несколько месяцев, а третью часть девушка разделила на три доли и отдала в благодарность каждому из трех своих старших братьев, параллельно обратившись к Чэн Шаогуноу с просьбой сделать ей амулет с заклинанием.

– Все это время действительно все шло как по маслу! – у Шаошан было сияющее лицо. – Дядюшка Вань, тетюшка Вань, пожилая госпожа и Цици относились ко мне лучше и не бывает. А только что матушка неожиданно сказала, что мне следует сначала залечить раны, а потом, уехав в дальние края с третьей тетей, неторопливо выполнить письменное наказание.

Она крутилась около Чэн Шаогуна, льстиво говоря:

– Третий брат, нарисуй для меня амулет для того, чтобы я могла применить его в пути. Пусть в этот раз амулет будет сильнее в несколько раз и будет обладать еще более сверхъестественными способностями: чтобы в будущем он помог найти удачный выход из сложившегося положения, обратить неудачу в удачу, чтобы обстоятельства складывались благоприятно, чтобы я влюбилась с первого взгляда...

Чэн Шаогуноу закатил глаза:

– Хочешь ли ты в дороге найти несколько слитков золота?

Шаошан была изумлена и возрадовалась, ощутив глубоко в душе, как поверхностны ее запросы:

– В мире есть такого рода амулеты? Тогда... сделай мне две штуки, пожалуйста!

– Приди в себя! Впрочем, я дам тебе две бамбуковые дощечки, которые ты должна заполнить в свое наказание!

Наливавшие в чарки друг другу вино Чэн Юн и Чэн Сун, услышав это, рассмеялись во весь голос. Шаошан нарочно сделала сердитое лицо, зато сердце ее растаяло как зефир. Она признала, что директор Сяо, по правде говоря, не так уж и плох, во всяком случае она очень умело воспитала сыновей, и сейчас все ее старшие братья очень хороши.

Преподнеся вино, Шаошан собиралась вернуться, откуда же она знала, что ее старший брат

Чэн Юн, крепко схватив за руку, повел ее по галерее с шепотом:

-Предполагается, что завтра или послезавтра должны прийти из семьи Инь – принести тебе извинения. Постарайся, чтобы твое лицо выглядело лучше.

Шаошан была потрясена. Только сейчас она узнала, что в то время, пока ее не было в доме, госпожа Инь вместе с Инь Сюэ неоднократно приходила извиняться, и у старших и глав семей уже давно не было обиды друг на друга. И, действительно, на второй день после ее возвращения домой госпожа Инь отправила с посыльным записку о том, что она посетит их вместе со своей дочерью.

Вновь увидев Инь Сюэ, Шаошан опешила.

В прошлом Инь Сюэ была похожа на красивый и заносчивый садовый бальзамин, привередливый и неторопливый, такой высокомерный, как будто землю под собой не чувствует; сейчас же она стала похожа на незаметную и бесхитростную китайскую капусту с опущенными бровями и мягким взглядом. В отличие от счастливой Шаошан, выглядящей так, как будто весь этот отрезок времени она была в отпуске, было заметно, что Инь Сюэ задали весьма всестороннюю и очень тщательную головомойку, и было похоже, что она выросла за одну ночь.

После обмена любезностями госпожа Инь, госпожа Сяо и в дополнение к ним Сан-ши вышли из комнаты, чтобы поговорить на взрослые темы. Как нарочно Чэн Ян в это время находилась в поместье, проверяя семена зерновых, необходимые ранней весной, и еще пока не вернулась, а потому Шаошан и Инь Сюэ остались сидеть лицом к лицу, молча смотря друг на друга.

-...я думала, что твои раны на лице уже зажили, – в конце концов, не стерпев, заговорила Инь Сюэ.

Шаошан коснулась своего лица и сказала сквозь слезы:

-Я тоже не ожидала такого, – ее кожа внешне была очень хороша, но вот такие незначительные телесные повреждения заживали, словно улитка ползла.

-Старшая сестрица, а твои раны? В тот день я нанесла тебе нелегкие удары.

Инь Сюэ стыдливо усмехнулась:

-У меня все болело три-пять дней, но сегодня с утра уже все стало хорошо.

Шаошан подумала в сердцах, знала бы она ранее, что ее собственные раны будут так медленно заживать, она бы ей тогда еще два раза хорошенько наподдала кулаком.

-...это все моя вина, – искренне, от всего сердца сказала Инь Сюэ, – у людей в этом мире так много страданий, разве можно прожить всю жизнь без забот? Сейчас я уже ясно понимаю события, произошедшие в семье моей матери в то время... – у ней неожиданно перехватило

дыхание, – когда поистине все изобиловало кровью и слезами, и я в самом деле не понимаю, как моя матушка все это вытерпела! Если бы кто-то в то время, подобно мне, насмеялся над моей матерью, что у нее нет ни отца, ни матери, я бы живьем содрала с этого человека кожу!

Шаошан молча вручила ей шелковый платок, Инь Сюэ взяла его и вытерла слезы:

– На самом деле матушка уже много лет не вспоминала о прежних печальных событиях, а из-за меня она плакала несколько ночей подряд и даже немного заболела. Мой отец, старшая сестра и старшие братья пеняли мне, говоря, что я холодная, бесчувственная и непорядочная...

Шаошан не ожидала, что невзначай попала в самую точку, и не понимала, гордиться ли ей этим или волноваться.

– И сегодня я от всего сердца говорю тебе, младшая сестра, извини меня, это все из-за того, что я всю жизнь была слишком самодовольна и язвительна, даже не понимая этого, в будущем я обязательно полностью исправлюсь.

Инь Сюэ отвесила низкий поклон Шаошан.

Шаошан незамедлительно поклонилась в ответ, сконфуженно сказав:

– Это... это и моя вина тоже, – банальные любезности, но в самом деле так трудно найти правильные слова!

Инь Сюэ, видя, что Шаошан не была в состоянии ничего сказать, участливо изменила тему разговора, смеясь:

– Через несколько дней в семье Вань будут устраивать банкет, дядя Вань всегда был щедрым и экстравагантным, и на этот раз на банкете непременно будет много интересного. Мы вместе можем здорово повеселиться.

Шаошан поджала уголки губ и сухо сказала:

– Матушка сказала, что если к тому дню на моем лице останется хоть одна рана, то я не пойду. В противном случае, если я появлюсь в их круге с таким лицом, люди, любящие совать свой нос куда не следует, разнесут весть о том, что старшая сестрица Сюэ жестоко избивает молодых барышень. Подобная слава распространится по столице, и впоследствии другие сестры, которые будут приходить на встречи с тобой, будут в обязательном порядке приводить телохранителей, а это недопустимо.

Инь Сюэ одновременно и сконфузилась и усмехнулась:

– Ах, тетя Сяо поистине всесторонне и чутко относится к людям...

– Ага. Наши матери хорошие. Только мы, пожалуй, – те, о ком говорят "хороший бамбук дал дурные ростки", – грубо сказала Шаошан.

Услышав два слова «дурные ростки», Инь Сюэ, прикрыв лицо рукавом, смеялась без остановки, а Шаошан только хитро взмахнула своими рукавами, и они вдвоем с обменялись взглядами и улыбнулись – можно сказать, что эта часть драмы подошла к концу.

Инь Сюэ разгладила рукава своего длинного платья на подкладе и, заикаясь, сказала:

–К счастью, во всей семье лишь один гнилой росточек бамбука. Моя старшая сестра и старшие братья очень хорошие. Шаошан, и твоя старшая сестра... и старшие братья, кажется, тоже все очень хорошие...

Шаошан закивала головой, соглашаясь:

–Естественно! Мои старшие братья хорошо относятся ко мне! И я не обменяю их на золото высотой с гору Цзиньшань!

В боковой пристройке к залу «Росток тростника в девятый зимний день» в молчании сидел Чэн Юн. Услышав доносящийся изнутри веселый смех девушек, он в глубине души только сейчас успокоился и сразу же вышел из комнаты. Подумав про себя, что теперь очень кстати эта маленькая негодница уедет из дома, и вообще не будет причин устраивать споры с матерью.

Завершив с Инь Сюэ конфликт, Шаошан в свою очередь ощутила чрезвычайную легкость, еще раз поразмыслив над тем, что очень скоро она покинет город и отправится в дальнейшее путешествие, и у ней хватило духу «улыбнуться и отпустить миру все обиды», вот такое беззаботное желание. Она также не знала, верно ли, что амулет этого обманщика Чэн Шаогуна уже набрал мощь, однако за день до банкета в семье Вань у младшей дочери генерала Чэна наконец-то пропала свиная голова.

В день банкета вся резиденция семьи Вань была декорирована разноцветными шелками, и гости шли толпами, их было огромное количество, люди сновали взад и вперед. Вань Сунбай стоял у главного входа, встречая гостей, с руками на большом животе и улыбался во все лицо, но немного прихрамывал на ногу.

Шаошан прошептала на ухо Вань Цици:

–Разве нога дяди Ваня не выздоровела? Почему она опять такая?

Вань Цици, понизив голос, сказала:

–Я также не понимаю, чем батюшка вызвал гнев у бабушки. Но на второй день после твоего ухода бабушка вдруг необъяснимо рассердилась, подозревав охрану, приказала задержать отца и привести в парк, и как следует побить. Избили его очень жестоко! Таким широким батоном для наказания преступников... – она показала ее ширину, соединив две ладони, – а когда били, то раздавался хруст, и теперь одна нога стала такой!

Шаошан посмотрела на ковыляющего дядюшку Ваня, который хорошо с ней обращался, и внезапно почувствовала вину.

Вань Цици, легкая на подъем, не могла сидеть в комнате, вместе со всеми, хвастаясь и болтая, она не любила пить сладкие напитки, и сочинять фу. А потому непосредственно позади парка им предоставили пустырь, принеся туда всякого рода предметы для развлечений. Чего тут только не было – от цуцзюя до деревянной доски с птичьими перьями! Вплоть до того, что расставили несколько мишеней для стрельбы и положили луки со стрелами.

Девочки, каждая в отдельности, делали то, что им было удобно, – любящие тишину и спокойствие сидели в галереях либо грелись у огня с едой и питьем либо шутили и смеялись, либо сидели за столом, увлеченно играя в азартные игры; энергичные – теснились и толкались, играя в парке, развлекались с шумом и хохотом.

–...давно мне доводилось слышать, что старшая сестрица Сюэ – это человек, обладающий как гражданскими, так и военными способностями. Почему бы сегодня не сыграть одну партию с младшей сестрой? – Вань Цици задрала подбородок вверх, держа в одной руке гибкий лук, а другой указывая на мишени вдалеке.

Откуда же ей было знать, что Инь Сюэ ныне стала новым человеком? Ничуть ей не поддавшись, та ответила с легкой улыбкой:

–Где уж мне быть такой разносторонней в гражданских и военных делах? Младшие сестрички в отношении меня очень вежливы. Боюсь, что выпущенная мною стрела вряд ли достигнет мишени вдалеке.

Вань Цици сердито опустила лук и стрелы.

Это уже была четвертая провокация за сегодня в адрес Инь Сюэ, и все эти четыре раза были похожи на удары кулаком по вате, они закончились ничем, а потому она не удержалась и глубоко задумалась – никак Инь Сюэ изменила свой характер? Как же можно хорошо жить на свете, если нет достойного противника? Она будет казаться себе одинокой, как путник в метель.

Поскольку сегодня две сильные стороны пытались обижать друг друга без особого успеха, молодые барышни продолжали пить и есть в парке, приятно проводя время в играх, вплоть до того времени, когда с большим опозданием в парк не вошла группа роскошно одетых молодых барышень из знатных фамилий, и в один миг атмосфера внутри изменилась.

Они оказались лицом к лицу к княжне, лик которой был подобен полной луне, губы – алыми, а брови подведены черным, выражение лица отличалось наглостью, окружившая ее группа девушек была одета в роскошные атласные наряды.

Шаошан про себя сопоставила и признала, что этот человек, если сравнивать ее и Инь Сюэ в тот день, выглядит еще более значительно. Потому что Инь Сюэ вовсе не собирала сознательно вокруг себя сестричек, но только в то время, когда они собирались, принимала превозношение и лесть. А человек перед их глазами явно организовал и возглавлял всю эту группу.

И та княжна усмехнулась:

-Цици, почему ты не приветствуешь меня?

Вань Цици погрузилась, однако, помня свой статус хозяйки, была вынуждена выйти вперед и поприветствовать.

Несмотря на то, что Вань Сунбай был успешен и ему был пожалован титул, он был состоятельным и при власти, но ему было далеко до статуса владетельного рода первого класса при императорском дворе, ведь, естественно, невозможно было узнать всех влиятельных людей в текущем царствовании, и теперь только и оставалось пригласить всех, кто так или иначе касался его семьи. К сожалению, отец Ван Лин как раз был из их числа.

Шаошан, прижавшись к Инь Сюэ, сказала:

-Кто этот человек?

Инь Сюэ прошептала:

-Это дочь чэци-цзянцзюнь*, ее зовут Ван Лин, она племянница государыни-императрицы... - она подумала, а потом добавила, - формально.

* 千骑 jiāngjūn - чэци-цзянцзюнь (одно из высших военных званий в Китае с эпохи Хань по эпоху Суй), командующий частями армии, в которую входила конница и боевые колесницы.

-На мой взгляд, тринадцатая старшая сестрица весьма недовольна, видя ее здесь, - даже слепой разглядел бы это.

Инь Сюэ скривила презрительно рот:

-Я тоже не в восторге. Этот человек очень любит опираться на влиятельных людей, а по натуре жестокий, коварный и чрезвычайно отвратительный.

Шаошан, выслушав ее слова произнесенные сквозь зубы, рассмеялась:

-Уж не тобой ли она помыкает?

Инь Сюэ закусила нижнюю губу:

-...к счастью для меня, мой отец и ее семья вообще не поддерживают никаких контактов, но у меня есть несколько хороших друзей, пострадавших от нее. Слабые семьи внезапно подвергались унижению, не имея за собой никакой вины.

-Ничего, что ты также унизила меня? Вы двое должны пожалеть, что встретились так поздно, - подтрунивала Шаошан.

Инь Сюэ притворилась, что хотела ударить ее, но подумав, что ее прежние действия забавны,

сказала:

-Скажем так. Если я хочу поставить человека в затруднительное положение, то самым меньшим в качестве оправдания будет тарелка с финиками в золотисто-желтом ласточкином гнезде. Она же, хм... - ее лицо стало пренебрежительным, - в глазах Ван Лин есть только две категории людей: либо те, перед которыми стоит лебезить и перетягивать их на свою сторону, либо те, которыми можно помыкать как прислугой. Учитывается все целиком - имеешь ли ты власть и могущество или нет.

Шаошан категорически покачала головой:

-Она такая банальная, власть и сила - это такие вещи, которые не бывают, если не черными, то непременно белыми. Например, моя семья, у моего отца пусть служебный ранг и ниже, чем у генерала Ваня, и в родственниках у нас нет государыни-императрицы, но она все же может требовать, чтобы я почему-то лебезила перед ней? - служебный ранг вовсе не может говорить обо всем, все еще нужно смотреть на семейное положение, чиновничье место и пределы полномочий и даже поддерживает ли император человека, поставив его на ответственный пост.

-Верно говоришь! - эти слова весьма подходили мыслям Инь Сюэ, и чем больше она смотрела на Шаошан, тем больше она ей нравилась. Пусть ее отец и не занимал важный пост, однако император всегда очень хорошо говорил о семье Инь, часто в присутствии других людей произнося: «Инь Чжи является искренним и достойным человеком».

Ван Лин сморщила нос, как будто почувствовала какой-то нехороший запах, подчеркнуто осматривая парк, сказала:

-Ты настолько радушно принимаешь нас? Здесь такое убогое украшение, хуже, чем в уличных забегаловках.

-Мой скромный дом в самом деле не заслуживает твоего благосклонного визита! Но ты встречаешься со мной не впервые, разве ты не знаешь, как мне нравится развлекать гостей? - сказала без лишних церемоний Вань Цици. - Раз уж тебе так не нравится мой дом, что ты здесь делаешь сегодня?!

Ван Лин проигнорировала эти слова, не возражая:

-Мне стало известно, что сегодня здесь будет одиннадцатый молодой господин.

Вань Цици остолбенела на минутку, однако быстро сориентировалась и немедленно засмеялась:

-Придет? Я не знаю.

Выражение лица Ван Лин изменилось, из-за нее высунулась другая девушка, с круглым лицом, но явно младше по возрасту, взволнованно закричав:

-Тебе не нужно отпираться! Мы все выяснили! Одиннадцатый молодой господин пришел!

Вань Цици намеренно очень медленно заговорила:

-Ну и что, если пришел? Какое это имеет ко мне отношение, я вообще-то не собираюсь с ним видаться. Однако, младшая А-Ли, ты сегодня вышла на улицу и пришла сюда вместе с Ван Лин, а твоя матушка об этом знает?

Шаошан подумала с большой радостью: оказывается, это группа фанаток!

У девушки по имени А-Ли покраснело лицо от слов Вань Цици. Видя создавшееся положение, Ван Лин торопливо сказала:

-Тебе не нужно запутывать А-Ли, лучше говори со мной! Мы только что услышали, что твой отец сегодня призвал молодых мужчин, чтобы на арене искусств они показали свое мастерство, и мы рассчитывали посмотреть на это. Это твоя семья, и не хорошо нагло бродить по резиденции, а потому мы решили спросить у тебя, - она закончила говорить, и девушки рядом с ней подтвердили ее слова, закивав.

Вань Цици продолжала говорить медленно:

-Это новый дом, и я переехала сюда недавно, арена искусств, все-таки, где же она... где же... - она специально не отвечала прямо, дразня, ходя вокруг да около.

Ван Лин была из тех, кому палец в рот ни клади, и видя, что Вань Цици умышленно медлит, закатила глаза, затем заметила, как в стороне стоит Шаошан:

-Тебе не нужно придумывать отговорки. Даже не ради меня, так ради твоей самой-самой близкой подружки - младшей сестры из семьи Чэн!.. Младшая сестра Шаошан, пойдем, пойдем с нами, неужели ты не хочешь увидеть одиннадцатого молодого господина?..

Шаошан, видя, как умело противостоит ее родственная душа группе дурных людей, как раз непринужденно смотрела этот спектакль вместе с Инь Сюэ, внезапно услышав свое имя, среагировала только спустя два удара сердца - оказывается, она в свою очередь также была среди этих спятивших фанатичных девушек!

-Одиннадцатый молодой господин... ха-ха... - она старательно пыталась вспомнить имя этого человека и по правде не смогла, и была вынуждена сказать:

-Я не горю желанием.

Ван Лин насмешливо сказала:

-Уже давно я слышала, что с тех пор как вернулся генерал Чэн с женой, младшая сестрица Шаошан отвергает все развлечения со старшими сестрами. Однако, так и есть, ведь поднявшись, ты стала водить знакомства с такими знатными семьями как Вань и Инь. Прежние

партнеры по играм, отдававшие тебе всю свою привязанность, рассказывают, что ты отбросила их прочь. Как возмутительно! Но не понимающие скрытых причин, кроме того, ошибочно полагают, что младшая сестра Шаошан заискивает перед сильными мира сего и начала воротить от них нос. Но мы, естественно, понимаем, что младшая сестра Шаошан не такой человек!

Стоявшая в стороне Инь Сюэ не хотела вмешиваться, однако теперь она вспомнила слова матери, рассказывающей, как она в раннем возрасте осталась сиротой и как невозможно было выдерживать сплетни за своей спиной, ее лицо немедленно потемнело, и она сказала:

-Ван Лин, не болтай чепухи, если хочешь увидеть одиннадцатого молодого господина, отправляйся сама и смотри на него хорошенько. Шаошан юна и прежде была наивной, не знала как выбирать друзей, сейчас после возвращения родителей, указавших ей на это, естественно, все стало иначе.

Ван Лин уже собиралась огрызнуться в ответ, как все внезапно услышали голос молодого человека.

-А-Ли, что ты здесь делаешь?!

Все девушки сразу же обернулись и увидели стоявшего у входа в парк молодого человека в роскошной одежде со стрелами в колчане за спиной, изумленно смотрящего на них.

Шаошан присмотрелась – эй, разве это не тот, у кого невыносимая невеста, Лоу Яо из рода Лоу с земель восточного берега Хуанхэ?

А-Ли, увидев Лоу Яо, вскрикнула от ужаса и в панике попыталась скрыться за спинами девушек, откуда же она могла знать, что Лоу Яо быстро шагнет вперед, схватив ее, вытащит вперед с осуждением:

-А-Ли, тетушка запрещала тебе приходить, а ты тайком убежала!

-Двоюродный брат, двоюродный брат... пожалей меня... – сказала, жалобно умоляя, Лоу Ли, – не говори ничего моей матушке!

Лоу Яо, не проявляя ни капли милосердия к женскому полу, намеревался утащить младшую двоюродную сестру и разыскать свой экипаж, чтобы уехать и как бы там ни было гарантированно проводить ее домой.

Ван Лин, выйдя вперед, потянула за его рукав с пронзительным воплем:

-Как это касается тебя?! Ты суешь свой нос в чужие дела, быстропусти А-Ли... – у ней была немаленькая физическая сила, и все услышали звук рвущейся ткани, рукав Лоу Яо порвался, в нем зияла большая прореха. Так она невольно его остановила.

Лоу Яо повернулся:

-А-Ли, следуя за ними, ты только научишься плохому, в прошлом только услышав твои слова, - считаю, что будет очень хорошо, если ты их больше не увидишь!

Ван Лин не ожидала, что Лоу Яо может сказать такие слова перед всеми и, попав в неловкое положение, смутилась.

Но хмуро, с грустным лицом все-таки ответила на этот словесный выпад:

-Помыкают человеком или нет могут знать только его родные, я же говорю все, что хочу говорить, и это не твое дело! Поистине, если относятся ко всем одинаково, разве могла А-Ли так рыдать, ведь не исключена возможность, - она холодно улыбнулась, - не исключена возможность, что А-Ли действительно терпела несправедливость.

Лоу Яо, разозленный до смерти, рявкнул:

-Ты несешь полную чушь! Кто, кто издевался над А-Ли?! А-Ли самая младшая в доме, как могло случиться, чтобы мы, мы...

Ван Лин, земли под собой не чувствуя, становилась все более и более ехидной:

-У тебя есть свободное время следить за А-Ли? Определенно, больше десяти лет помолвки, и в одно прекрасное утро твоя семья разрывает брачный контракт с намерением заключить брак с другой. Небу известно, как ты невыносим и какой бестолковый и беспомощный, что могло ждать с тобой младшую сестру Чжаоцзюнь? Мне, если бы я была на твоем месте, уже давно стыдно было бы показаться на людях!

У Лоу Яо от злости покраснело лицо, указывая на Ван Лин, он долго твердил «Ты! ты!». Юноша в возрасте шестнадцати-семнадцати лет обычно учился спокойствию и молчанию у своего отца и старшего брата, но ему не хватало навыков в красноречии, чтобы пререкаться с такой нахалкой как Ван Лин.

Видя, как Лоу Яо потерпел поражение, Ван Лин, возгордясь, обратилась к Шаошан, продолжая:

-Я спрашиваю, младшая сестра Шаошан, ты действительно не хочешь увидеть одиннадцатого молодого господина? Я однако слышала, что в прошлом ты была без ума от него и заявляла во всеуслышание, что не выйдешь замуж ни за кого, кроме него! Ха-ха-ха...

Шаошан подняла бровь:

-Я единственная в этом городе, заявившая во всеуслышание, что не выйду замуж ни за кого, кроме одиннадцатого молодого господина? - на самом деле она вообще не знала, был ли тот одиннадцатый молодой господин полным или маленьким.

Смех Ван Лин неожиданно прекратился.

Вань Цици громко засмеялась:

-Именно так! Боюсь, что в столице половина молодых барышень говорила подобные слова!

Лоу Ли изо всех сил старалась высунуть голову, выглянуть из-под плеча двоюродного брата:

-Ведь это другое, мы чистосердечны и отличаемся от тебя. Тебе в душе он явно нравится, однако ты упорно не желаешь видеть одиннадцатого молодого господина! Что за лицемерие!

Ван Лин вновь заулыбалась.

-В таком случае все столичные молодые барышни, заявлявшие во всеуслышание, что желают выйти замуж за одиннадцатого молодого господина, и вышедшие при этом замуж за других, уважая волю родителей, они все лицемерки? - холодно сказала Шаошан, и выражение ее лица осталось неизменным.

Инь Сюэ сказала со смехом:

-Конечно, нет. Одиннадцатый молодой господин все время не был склонен к женитьбе, но они, достигнув брачного возраста, должны были выйти замуж. Пожалуй, многие из них уже стали матерями.

Шаошан взволновано посмотрела на двух девушек - Вань и Инь, вместе с тем стараясь напомнить себе, что не следует снова необдуманно накликать беду на свою голову.

Повернувшись к Ван Лин, она сказала:

-Старшая сестрица из семьи Ван, в этом мире есть всего лишь несколько человек, которые с детства и до взросления остаются абсолютно неизменными. Кто-то с детства любит есть рыбу, но с возрастом чувствует себя плохо от рыбного запаха; кто-то в детстве робок, но, повзрослев, становится смелым и решительным. Я слышала, как старший брат рассказывал, что во времена распри в царстве Чжу был выдающийся генерал. В детстве он постоянно испытывал издевательства от других людей, даже был не в состоянии дать отпор. Однако впоследствии его воины прошли с мечом по всему миру. Человек, повзрослев, изменился, разве это редкость? - она извинилась в душе, что слушала сказание не всерьез и давно забыла имя того генерала.

Лоу Яо, не осознавая, выпустил руку своей младшей двоюродной сестры и обалдело смотрел на нежную молодую девушку.

Ван Лин холодно усмехнулась:

-Ты, хвастаясь, приравняла саму себя к генералу, достойна ли ты?

Шаошан проигнорировала ее провокацию, продолжила говорить:

-Сестры, с которыми я раньше играла, то ли обращались со мной пренебрежительно, то ли

была какая-то другая причина, однако они никогда не исправляли мои ошибки, в то время, когда я испытывала тяготы, они ни разу не помогли мне. В тот период я была нерешительна, и кое-кто получал удовольствие, смеясь над моей глупостью. Я более не поддерживаю с ними знакомство, моя мать сказала мне, что это очень хорошо, в будущем мне следует более тщательно выбирать друзей. Сейчас я подружилась с двумя старшими сестрицами Вань и Инь, старшая сестра из семьи Ван, как ты думаешь, на этот раз я правильно поступаю?

Выражение лица Ван Лин немного одеревенело, только она собиралась открыть рот, как ее перебила Шаошан, торопливо заговорив:

–Я понимаю, что старшая сестра из семьи Ван скажет, что я пытаюсь возвыситься. Тогда я осмелюсь спросить старшую сестру Ван, а также всех других сестричек, вы разве ни разу не завязывали знакомство и не становились друзьями с семьей более родовой? Неужели дружить с сестричками из более родовой семьи, чем собственная, это пытаться возвыситься?

Девушка была спокойной и собранной, ее интонация бесстрастной, и девушки, окружавшие ее, в молчании слушали ее.

Лоу Яо вспомнил, что когда-то сопровождал старшего брата в Светлый зал императорского дворца послушать разъяснения канонических книг от крупных ученых. Она была схожа с выделяющимися из толпы учениками в Светлом зале, просто и легко говорившими, прочие их соученики добросовестно внимали им.

–Что же касается одиннадцатого молодого господина... – улыбнулась Шаошан, – прежде я была без ума от него, но сейчас больше нет. Неужели невозможно такое? Если милостивые сестрички не могут в это поверить, я могу поклясться жизнью.

Эти толпившиеся вокруг Ван Лин девушки немного сконфузились, втайне они немало радовались тому, что потеряли соперницу, но между тем немало и сожалели – о потере друга. У Ван Лин, стоявшей здесь же, было угрюмое выражение лица, она молчала.

Шаошан отвернулась, повернувшись в сторону девушек Вань и Инь, а также и многих других, шаловливо подняла руки в приветствии и сказала со смехом:

–С тех пор, как вернулись мои родители, я стала отличаться от себя прежней, не знаю, такая перемена – это хорошо или все же нет?

–Лучше и не бывает! – первой горячо похвалила Вань Цици.

Инь Сюэ насмешливо захлопала в ладоши:

–Ты становишься все лучше и лучше. Хорошо, хорошо, хорошо, все перемены к лучшему!

Прочие девушки в парке из лагеря Ван Лин в конце концов откликнулись, либо быстро или

медленно, либо громко или слабо, но одна за другой стали высказываться, что все к лучшему.

Ван Лин с силой прикусила губу, с кривой усмешкой сказала:

-Поистине какое вызывающее красноречие...

-Молодая барышня Ван! – внезапно подал голос Лоу Яо. – Я помню тебя в детстве, с дочерьми некоторых подчиненных твоего дедушки с материнской стороны, служивших генералами, ты была в исключительно близких отношениях. Позже у твоего деда начались неприятности, несмотря на то, что государь пощадил семью и никого из младших членов семьи не наказали, семьи этих дочерей мало-помалу и по сей день отстранились. Почему же ты не продолжаешь с ними дружить?

На этот раз слова вонзились в больное место Ван Лин, ее глаза покраснели, и она резко сказала:

-Лоу Яо! Ты...

-Если ты опять продолжишь городить какую-то ерунду А-Ли я, я в таком случае... – Лоу Яо не умел хорошо говорить и в одно мгновение не мог придумать убойный способ, в панике он стал смотреть по сторонам и встретился глазами с чистым, подобным воде, взглядом Шаошан.

Вдруг его разум просветлел, и он громко сказал:

-Я попрошу старшего брата отца и своего отца выяснить у генерала Вана, почему семья Ван сует свой нос в домашние дела семьи Лоу и каковы же ее намерения!

Лицо Ван Лин внезапно стало то зеленеть, то краснеть, ненависть заставила ее потерять лицо, вспыхнув, она гневно резко взмахнула рукавами платья и ушла. Группа девушек, следовавших за ней, незамедлительно последовала за ней, оставив стоять в оцепенении одну Лоу Ли.

Вань Цици захлопала в ладоши и громко засмеялась, и, смеясь, она громко крикнула им вслед:

-Я же еще не сказала вам, в каком месте находится арена искусств...

Инь Сюэ толкнула ее со смехом и, распекая, заговорила:

-Уже прошел большой час, а ты все еще не ведешь нас на банкет!

Вань Цици смеялась так, что не могла прямо стоять, одной рукой поддерживая Шаошан, другой пригласила молодых барышень следовать за ней на банкет. Лоу Яо, поклонившись девушкам, вежливо отклонил приглашение следовать в пиршественный зал за свою младшую двоюродную сестру, а затем, схватив по-прежнему ругающуюся и сопротивляющуюся из последних сил Лоу Ли, ушел.

Радостно смеясь, девушки группками по двое и по трое прошли внутрь помещения, и не было никого кто бы заметил у Шаошан, пусть и весело смеющейся, в глазах лед. Пока на нее не

обращали внимания, она, слегка повернув голову, бросила взгляд в то направление, куда скрылась Ван Лин со своей группой.

В этом мире единственной причиной, которая заставляла ее терпеть издевательства, была боязнь последствий, проявляющихся вслед за этим; однако если бы был способ устранить последствия, так почему бы ей и не взять реванш?

Что было в прошлом, как будто перестало существовать, что произойдет в будущем, как будто сегодня родилось. Она намеревалась начать все сначала, однако всегда находились люди, не склонные щадить ее. Она хотела бы приготовить ловушку, заставившую бы Ван Лин с подручными вытерпеть хоть капельку страданий.

В самом деле – капельку.

<http://tl.rulate.ru/book/77281/3339167>